УДК 811.161.1' 06

DOI 10.17516/2311-3499-021

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Колмогорова

Статья посвящена описанию динамики смены дискурсивных стратегий легитимации официальных однополых браков в российском гражданском обществе. Материалом исследования выступают статьи, посвященные обсуждению данного объекта легитимации в российских оппозиционных СМИ в период с 2010 по 2017 гг. Делается вывод о том, что, начавшись со стадии теоретизации в 2010 г., процесс легитимации однополых браков в России перешел к стадии продвижения в период 2013–2014 гг., но в последние несколько лет вернулся вновь к начальному этапу теоретизации. Среди видов легитимности, служащих опорой для внедрения в массовое сознание идеи об узаконивании таких союзов, доминируют моральная и прагматическая легитимность. Результаты исследования указывают также на то, что ключевой, обладающей особой аттрактивностью, дискурсивной стратегией легитимации в данном контексте выступает мифопоэтическая стратегия.

Ключевые слова: однополые браки; легитимация; дискурсивные стратегии; стадии легитимации; виды легитимности.

DISCURSIVE STRATEGIES OF GAY MARRIAGE IN RUSSIAN MEDIAS

A.V. Kolmogorova

The article focuses on the dynamics of discursive strategies used for legitimization of the same-sex marriage in Russian civil society. On the data of articles published in Russian medias during 2010–2017 and discussing the pros and cons of official gay marriages the author came to the conclusion that legitimization of the same-sex couples moves from the theorizing stage in 2010 to the promotion stage by 2013–2014 and returns to the first stage of theorizing in 2017. The proponents of gay marriages rely on pragmatic and moral legitimacy and abuse of mythopoetic strategy as the main instrument of moral impact on Russian community.

Keywords and phrases: gay-marriage; legitimization; discursive strategies; legitimization stage; legitimization types.

Введение

Настоящая публикация посвящена описанию дискурсивных стратегий и средств легитимации официальных однополых браков в российском гражданском обществе.

На основе публикаций в таких СМИ, как «Эхо Москвы», «Сноб», информационных порталов «собака.ru» и «proza.ru», а также материалов известных блогеров рассматривается то, каким образом российское общество пытаются постепенно подвести к приятию нетрадиционной формы брачного союза, делая это таким образом, чтобы в какой-то момент казавшееся абсолютно неприемлемым в силу глубоких социокультурных причин незаметно стало нормальным, будучи умело встроено в самые традиционные и стабильные контексты.

В социологии существует широко известная теория поступательного внедрения в массовое сознание первоначально совершенно неприемлемых идей – это так называемое «окно Овертона». В 90-е годы XX столетия американским социологом Дж. Овертоном была предложена модель для оценки суждений по степени их приемлемости для открытого политического обсуждения. Суть теории сводится к тому, что в любом обществе существует определенная шкала мнений и оценок, применимых к любой идее, имеющей социально-политическую значимость. Согласно

Дж. Овертону [Overton Window. URL: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения – 13.03.2018)], на шкале последовательно расположены следующие оценочные вердикты: Немыслимо, Радикально, Приемлемо, Разумно, Стандартно, Действующая норма. Они могут следовать друг за другом и в обратном порядке от Действующей нормы к последовательности Стандартно, Разумно, Приемлемо, Радикально, Немыслимо. В борьбе за мнение сообщества по той или иной проблеме на каком-либо конкретном временном этапе его развития никогда не задействована вся шкала оценок, а только ее небольшая часть, включающая близкие друг к другу аксиологические суждения, например, Немыслимо – Радикально. Однако политический истеблишмент, используя дискурсивные технологии организации направленного воздействия посредством массмедиа, может постепенно сдвигать фокус на шкале («окно») от Немыслимо – Радикально (сегодня) к Радикально – Приемлемо (через год), доводя таким образом общественное мнение до нужного состояния приятия (или неприятия). Приведем в несколько сокращенном виде описание действия Окна Овертона так, как оно описывается в статье Джо Картера «Как легко разрушить культуру за 5 шагов» [Carter. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps> (дата обращения – 13.03.2018)] применительно к проблематике однополых браков (перевод наш. – А.К.):

Шаг первый: от Немыслимо к Радикально – тематика гомосексуальных отношений в устойчивых парах становится предметом научных дискуссий в рамках симпозиумов, конференций. Обыватель обязательно заинтересуется если не однополыми браками, то мнением ученых, но для политтехнологов все равно, с какого «конца» загорится бикфордов шнур интереса к проблематике.

Шаг второй: от Радикально к Приемлемо – на этом этапе необходимо создание некоего эвфемистичного выражения, которое позволило бы говорить о проблеме, не нарушая общественного спокойствия, например, используя выражение «однополая любовь», которое сразу же окружает номинируемый феномен положительной коннотативной аурой слова *любовь*, ведь эросу в нашей культуре прощается многое.

Шаг третий: от Приемлемо к Разумно – нет ничего более разумного, как подчиниться какому-либо идолу, божеству. В американском обществе таким идиолом стал «Индивидуализм» – я таков, какой я есть, каким родился. В контексте обсуждаемой проблематики подобный лозунг максимально соответствует стратегии «разумного» осмысления явления, еще недавно казавшегося абсолютно неприемлемым.

Шаг четвертый: от Разумно к Стандартно – на данном этапе важно персонализировать проблему, найти для нее узнаваемое «лицо». Каждый член общества стремится к высокой социальной оценке, к приятию себя другими. Если селебрити говорят о том, что они сторонники однополых браков, и их любят, у них миллионы поклонников, значит это нормально. Люди не будут обожать кого-то плохого. Стань как они, и ты тоже будешь модным.

Наконец, пятый шаг: от Стандартно к Действующей норме – здесь нужно начать с создания Комиссии по анализу общественного мнения в отношении обсуждаемой проблемы, а дальше предоставьте это дело политикам, и они доведут его до конца.

Возможно, подобная логика изложения представляет процесс утрированно, но общий вектор развертывания воздействия на массовое сознание задан, на наш взгляд, верно. Верно не только в силу субъективного исследовательского ощущения, но и в том числе потому, что выделенная последовательность шагов находит отражение в теории легитимации – направлении социально-дискурсивных исследований, получившем широкое распространение, прежде всего на Западе. К сожалению, в России само понятие легитимации, ее виды, когнитивно-социальная природа, способы ее дискурсивного осуществления (стратегии, тактики) остаются малоизученными.

В данной публикации мы ставим перед собой цель проследить смену стадий, видов легитимности и стратегий легитимации однополых браков в отечественных оппозиционных СМИ в период с 2010 по 2017 гг. Исследовательская гипотеза состоит в том, что последовательность

видов и стратегий легитимации в медиадискурсах на протяжении данного периода повторяет, в общих чертах, траекторию движения Окна Овертона.

Материал и методы

В качестве материала исследования мы используем следующие издания и тексты:

№	Год	Название материала	Автор	Издание, URL
1	22.07.2010	Ошибка природы	Георгий Янс	«Эхо Москвы» https://echo.msk.ru/blog/yans/697310-echo/
2	16.02.2013	Почему в России не будут разрешены однополые браки	Михаил Комаров	«Эхо Москвы» https://echo.msk.ru/blog/mp_komarov/1013120-echo/
3	12.11.2013	Экс-священник Артем Вечелковский: Я гей, но Бога не интересует, с кем я сплю	Артур Солюмонов	Журнал «Сноб», https://snob.ru/selected/entry/120444
4	26.12.2013	Наступило дикое время – время «гоп-православия». Интервью священника и гей-пары	Артур Солюмонов	Журнал «Сноб», https://snob.ru/selected/entry/67675
5	11.11.2014	Ира Шумилова и Алена Фурсова: «Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России»	Михаил Стацюк	Портал «Собака» http://www.sobaka.ru/city/city/30213
6	29.07.2015	Однополая Россия: Как нам легализовать гей-браки	Станислав Белковский	газета «Московский комсомолец» №26872
7	06.04.2017	«Мы с флагом не ходим, мы просто живем». Как в России вступают в однополые браки	Анна Алексеева	Журнал «Сноб», https://snob.ru/selected/entry/122872
8	20.08.2017	Чем вам однополые браки не угодили? Я лично не против	Блогер Варламов	https://varlamov.ru/2520989.html

Методология исследования базируется на теории легитимации, основы которой были заложены в американской социологии (М. Сачман, К. Джонсон, П. Толберт и Л. Зукер), а затем детализированы в теории дискурсивной легитимации в работах Т. ван Левена, Э. Ваара, Дж. Тьенари.

С точки зрения Марка Сачмана [Suchman 1995], социолога и специалиста по менеджмент-коммуникации, легитимация в самом *общем смысле* – это процесс, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений. Иными словами – это процесс, обеспечивающий постепенное приятие сообществом некоторого объекта или феномена [Deerhouse, Suchman 2008].

Дискурс-аналитики рассматривают легитимацию в более *узком смысле* как разновидность дискурсивной стратегии, состоящей в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности [Fairclough 2003; Vaara, Tienari 2008] посредством такого описания действий

объекта легитимации, которое непротиворечиво и естественно «встраивает» их в систему существующих ценностей сообщества [Francesconi 1982]. Легитимировать – значит сконструировать в дискурсивном пространстве социума положительный образ себя и суметь этот образ донести до большинства его членов [Screti 2013].

Вслед за М. Сачманом [Suchman 1995: 574–579], исследователи выделяют у феномена легитимности *три аспекта*: прагматический, моральный и когнитивный. *Прагматическая легитимность* строится на учете интересов целевой аудитории, обнаруживающихся при непосредственных контактах с ней представителей организации / социального института, желающих изменить отношение к себе и/или своим услугам, продуктам. *Моральная легитимность* опирается на мнение основных «игроков» на рынке или в политическом истеблишменте относительно того, можно ли считать «правильным» то, что является объектом легитимации. *Когнитивная легитимность* глубоко фундирована в разделяемых всеми членами сообщества культурно-обусловленных моделях поведения. В поисках такой легитимности заинтересованные стороны должны доказать, что сущностные характеристики объекта легитимации (нового продукта, политического решения или социального института) не идут вразрез с константными базовыми культурными моделями социального коллектива.

Такая трехмерная модель позволяет исследователям рассматривать, описывать и сравнивать стратегии достижения (1) прагматической легитимности, (2) моральной легитимности и (3) когнитивной легитимности.

В свою очередь, процесс легитимации, будучи рассмотрен в динамике, проходит, согласно П. Толберт и Л. Зукер [Tolbert, Zucker 1996: 181], три стадии: (1) *стадия теоретизации* – распространение знаний о полезности нововведения, его технических характеристиках, экономической рентабельности, а также признание адекватности инновации в качестве выхода из какой-либо непростой ситуации; (2) *стадия продвижения* нововведения – создание в обществе позитивного отношения к инновации преимущественно за счет умелого включения ее в ценностную картину мира сообщества посредством искусной медиаполитики, поддержки государства и общественных институтов; (3) *стадия окончательного укоренения* инновации, когда новшество становится естественной частью общего социального контекста и не вызывает уже более ни отторжения, ни протестов. Каждая из вышеперечисленных стадий опирается на один или несколько *видов легитимности*: стадии теоретизации и продвижения – на прагматическую и моральную легитимность, соответственно; стадия укоренения – на когнитивную легитимность [Greenwood et al. 2002].

В связи с различными аспектами легитимности и стадиями процесса легитимации в социальных науках встал вопрос о том, какими средствами, прежде всего вербальными, они реализуются на практике. Свой ответ предложил лингвист, известный дискурс-аналитик Т. ван Левен [Van Leeuwen 2008], выявив четыре основных *дискурсивных стратегии легитимации*, каждая из которых включает несколько субстратегий:

(1) **Стратегия апелляции к авторитету** предполагает привлечение социального ресурса, внешнего по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации, и реализуется при помощи следующих субстратегий: (а) апелляция к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и особую значимую роль в обществе; (б) апелляция к авторитету эксперта, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации; (в) апелляция к авторитету модели поведения некоторой «модной» личности, деятельность которой, как правило, широко освещается в масс-медиа; (г) апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы («так по закону положено», например); (д) апелляция к авторитету традиции – это правильно, потому что мы так всегда делали; (е) апелляция к авторитету «большинства» – это правильно, поскольку все так делают.

(2) **Стратегия моральной оценки** локализует объект легитимации на шкале «хорошо – плохо» и опирается на следующие субстратегии: (а) оценочная субстратегия, для реализации которой широко используются прилагательные, в семантике которых содержится оценочный компонент (*нормальный, естественный* и т.д.); (б) субстратегия абстрагирования, когда оценка объекта легитимации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции, например, раздельный сбор мусора – это правильно и необходимо, потому что это один из шагов к экологическому оздоровлению планеты; (в) аналогия – субстратегия, призванная обосновать необходимость приятия объекта легитимации, потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению.

(3) **Стратегия рационализации** призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т.д.) и предполагает следующие субстратегии: (а) целевая субстратегия, строящаяся по формуле (где X-объект легитимации, а Y – более обобщенная социальная цель или категория) «Я делаю X для того, чтобы добиться / получить Y»; (б) инструментальная субстратегия, использующая формулу «Я достигаю Y при помощи X-а / благодаря использованию X»; (в) субстратегия, ориентированная на результат – «Y – это результат X-а» (например, город свободный от мусора, который легко и эффективно перерабатывается, – это результат раздельного сбора мусора); (г) «определение» – объект легитимации X определяется через призму некоторой другой социально значимой деятельности, категории (например, через категории гражданской ответственности, толерантности и т.д.); (д) «разъяснение» – объект легитимации X описывается в терминах оправданных и необходимых действий людей, работающих или действующих в той сфере, которой X принадлежит (например, некоторое решение правительства правильно, поскольку граждане поддерживают его, судя по письмам в редакции газет, интервью, результатам опросов общественного мнения); (е) «предсказание» – объект легитимации X помещается в будущий позитивный (в случае легитимации) или негативный (в случае делигитимации) сконструированный, как правило, от имени экспертов социальный контекст (принятие данной меры позволит в будущем...).

(4) **Мифопоэтическая стратегия** обращена к рудиментам мифопоэтического сознания человека и включает такие субстратегии, как: (а) поучительный рассказ, когда протагонист действует согласно социальной модели-объекту легитимации и получает за это награду; (б) апокрифический рассказ – протагонист действует вопреки социальной модели-объекту легитимации, что приводит к чрезвычайно печальным последствиям; (в) повествование с одной ярко выраженной сюжетной линией – в фокусе внимания рассказчика оказывается лишь одна линия повествования, которая сопровождается однозначной оценкой и зачастую сопровождается гиперболизацией (*миллионы людей по всей стране ждут...*); (г) символическое, или инвертированное, повествование, когда объекту легитимации приписывается некая символическая функция – быть знаком новой эпохи, нового времени и т.д.

Таким образом, проводя исследовательский анализ, мы будем следовать диахронической логике и дедуктивному методу, двигаясь от общего к частному: от выделения видов легитимности, артикулируемых в дискурсах, и стадий легитимации, которые в них отражены, к конкретным дискурсивным стратегиям легитимации, согласно классификации Т. ван Левена.

Анализ и интерпретация результатов

Начать рассмотрение мы бы хотели с наиболее раннего в нашей выборке дискурсивного фрагмента – это текст Георгия Янса «Ошибка природы» («Эхо Москвы», 2010).

В данном тексте можно заметить «следы», с одной стороны, **прагматической легитимности** – он строится как текст-реакция, текст-реплика на попытки представителей заинтересованной в легитимации стороны, однополых пары Ирины Шепитько и Ирины Фет, вызвать общественный резонанс, спровоцировать обсуждение проблемы в обществе. Стороны, по-разному оценивающие

объект легитимации, начинают уточнение, конкретизацию своих «боевых позиций»: в тексте есть попытки классифицировать действия и мотивы пары с точки зрения гетеросексуала (*Цель таких заявлений проста – привлечь внимание к собственной ущербности*), категоризировать и само явление (*Однополые браки – это нонсенс*), что в целом соответствует целям прагматической легитимности. Подчеркнем, что для формирования прагматической легитимности важным является сам факт начала разговора о проблеме, инициации взаимного уточнения сторонами – социальной группой, продвигающей объект легитимации, ярых противников легитимации и остальной части социального коллектива – своих позиций.

Однако налицо и зачатки **моральной легитимности** – однополым парам активно подыскивается ниша в ценностной картине мира сообщества. Хотя подобным бракам как таковым пока еще отказывают в каком-либо «ценностном статусе» (*Но официально такой союз в нашей стране, я надеюсь, не будет зарегистрирован никогда*), но в отношении оценки морального статуса самих таких отношений просматривается важный сдвиг по шкале Радикально – Приемлемо. Автор разворачивает свою аргументацию, используя в качестве точки отсчета некое «положение дел в прошлом»: *Гомосексуализм – ошибка природы, наказание божие. Назовите, как угодно; Сегодня за это не наказывают*. Подобные отсылки к возможной множественности номинаций (*Назовите как угодно*), к противопоставлению мифического «когда-то» и «сегодня» (*Сегодня не наказывают*) формируют импликацию о том, что в прошлом подобные отношения оценивались как кара Господня, подлежали наказанию, но в самом анализируемом тексте уже отстаивается иная, более мягкая, позиция. Ключевой пропозицией данного легитимирующего дискурса становится **ОДНОПОЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ – БОЛЕЗНЬ**. Об этом свидетельствуют номинации, которыми данное явление обозначается автором: *аномалия, ошибка природы, своего рода болезнь, болезнь, ущербность*.

Интересна постепенность, с которой однополые пары оказываются в поле притяжения таких морально нагруженных концептов ценностной картины мира, как МИЛОСЕРДИЕ, ПОМОЩЬ, УЧАСТИЕ, ПРОЩЕНИЕ. Сначала в ход идет оценочно нейтральное и коннотативно бедное понятие «аномалия». Затем под прикрытием «коммуникативного ограждения» (communicativehedging в терминологии Дж. Лакоффа [Lakoff 1973]), позволяющего говорящему снимать с себя прямую ответственность за слишком прямолинейную категоризацию неоднозначного явления за счет употребления выражения-медиатора, придается некоторая условность факту приписывания X категории Y – *своего рода болезнь*. Наконец, при помощи аналогии автор завершает категоризацию – *болезнь, точно такая же, как алкоголизм или наркомания*.

Вокруг гомосексуализма выстраивается целое лексико-семантическое поле болезни, где есть характеристики «болезни» (*болезнь от рождения или приобретенная с годами*); гипонимы для родового термина (*как алкоголизм или наркомания*); предикаты, характеризующие отношение к больному (*пожалеть, посочувствовать, создать ему все условия: Гомосексуалиста можно пожалеть, посочувствовать, создать ему все условия, чтобы он не чувствовал себя ущемленным*), его терапию (*болезнь лечат*); номинации субъектов, переживающих болезнь (*инвалиды: Геи – это те же инвалиды*).

Все вышеописанные особенности разворачивания дискурса легитимации в статье Георгия Янса являются признаками реализации журналистом **дискурсивной стратегии моральной оценки** в рамках **субстратегии абстрагирования** – автор обращается к более широкой обобщенной категории болезни, дабы сформировать имплицитное оценочное поле вокруг обсуждаемого явления – объекта легитимации.

Поскольку в данном тексте читателя только знакомят с проблемой, предпринимают попытки концептуализировать явление в когнитивном опыте массового читателя, следует говорить о реализации в данной статье **стадии теоретизации** объекта легитимации.

Следующий текст для анализа, статья Михаила Комарова «Почему в России не будут разрешены однополые браки», относится к 2013 г. и представляет собой пример одновременного развертывания стратегий делегитимации и легитимации однополых браков, и для полноты нашего исследования его нельзя обойти, тем более, что любопытным представляется выбор автором стратегий (де)легитимации и видов легитимности, от которых он отталкивается в своей аргументации.

Как и автор предыдущей публикации, М. Комаров опирается в своих рассуждениях на два вида легитимности: **прагматическую** и **моральную**. Первая используется для развертывания стратегий легитимации, вторая – делегитимации.

На использование принципов легитимности первого типа указывает активное представление интересов и мотивов сторонников узаконивания нетрадиционных отношений:

Признаем, большинство правительств современных государств с неодобрением относятся к противоестественным однополым бракам. Однако они вынуждены реагировать на объективную демографическую реальность своих стран, в большинстве которых количество населения превышает санитарно-социальные нормы.

За счет **стратегии рационализации (целевая субстратегия)** легализация однополых браков в некоторых западных государствах рассматривается как мера, которая позволяет решить более глобальную проблему – проблему перенаселения: однополые браки а priori бездетны, следовательно, их легализация приведет к ограничению рождаемости без ущемления прав кого бы то ни было.

Переходя к ситуации в России, доцент МАТИ М. Комаров указывает на то, что у нас в стране перенаселены только центральные районы, а в регионах наоборот – недонаселение. Отсюда вывод – легализация однополых браков в стране пока невыгодна с точки зрения геополитики и демографии, но первые «звоночки» перенаселения уже видны в Москве и Московской области. Важным результатом применения стратегии рационализации является «перемещение» разговора о нетрадиционных супружеских отношениях в сферу научных проблем (автор и позиционирует себя как доцента), а точнее – проблем демографии, порожденных *объективной* реальностью.

Необходимо упомянуть о том, что текст в целом как бы делится на 2 части. В первой, о которой уже говорилось, опорным концептом является концепт ОБЪЕКТИВНОСТЬ, а прилагательное *объективный* – его основным репрезентантом: *объективная* реальность, *объективные* причины. Кроме того, эта часть изобилует терминологией и устойчивыми сочетаниями, характерными для научного функционального стиля: *взаимозависимые социальные проблемы, фактор, плотность населения, критерий, политика народонаселения, численность, лимитирование притока мигрантов*.

Однако во второй части анализируемого дискурса Михаил Комаров пытается использовать технику самоотрицания, вдруг меняя вид легитимности, служащий ему опорой в рассуждениях, с прагматической на моральную и переходя к реализации стратегий делегитимации при помощи экспрессивно-оценочной лексики и конструкций:

Но следует ли из этого, что у нас тоже надо разрешить гомосексуальные отношения, однополые браки, гей парады? Отнюдь! Хочется верить, что нам такое бесчестье не грозит. Первое, у нас нет для этого объективных причин, незаселённых территорий предостаточно! Второе, морально — психологический аспект. У русского народа другой менталитет, этические нормы. Издревле такая склонность считалась постыдно позорным недугом. А сейчас выставляют всё это на “витрину”. Однако нравственные принципы у наших людей, пока ещё не совсем развращены идеологией вседозволенности и поведенческой распущенности. Будем надеяться, что у нас и нашего правительства хватит трезвого рассудка, возможностей, а также здоровья нации не перейти эту позорную черту, которая претит даже животным.

Эта часть удивительно напоминает обличительные агитационные дискурсы советской эпохи с их специфической стилистикой, отражающей языковой вкус (термин В.Г. Костомарова

[Костомаров 1999]) того времени: клишированность, выраженная оценочность, любовь к риторическим вопросам.

Объект легитимации в первой части текста становится объектом делегитимации во второй и определяется не иначе как *бесчестье, постыдно позорный недуг, позорная черта*. Налицо **стратегия апелляции к авторитету (субстратегии апелляции к авторитету традиции и к авторитету большинства)**, используемая в целях делегитимации: 1) к авторитету традиции: использование именных лексем *норма, менталитет, нация*, этнонима *русский народ*, наречия *издревле*, контрастирующего с формулой *а сейчас...*; 2) к авторитету довольно абстрактной, но ценностно и оценочно маркированной группы «наших»: *наши люди, у нас и нашего правительства*.

Интересна в этом отношении прагматика и семантика волитивных конструкций *хочется верить* и *будем надеяться*. Обе они представляют собой разновидность нефактивной (или даже контрфактивной) пресуппозиции, которую можно специфицировать следующим образом: «Р маловероятно и трудноосуществимо, но Х верит в Р, потому что Р соответствует тому, что Х считает правильным». Сравните пример из НКРЯ – мама выражает надежду, что, несмотря на то, что многие молодые курят, ее дочь, даже будучи вдали от родительского контроля, не закурит:

Нет, на том этапе не закурила. Хочется верить, что и теперь вдали от дома не пустится во все тяжкие. Asya A, 2004. 09. 1706: 14 (Наши дети: Подростки (2004), НКРЯ).

На фоне резкого перехода от легитимации к делегитимации, маркированного также сменой типов дискурса (от научного к пропагандистскому), подобные конструкции создают впечатление неискренности, некоторого двуличия автора по отношению к обсуждаемой проблематике: я, мол, верю в Р, потому что так правильно, но реальность показывает совсем другое, и я понимаю, что Р трудноосуществимо.

Так же, как и в предыдущем тексте, легитимация обсуждаемого феномена находится на стадии теоретизации, опирается на прагматическую и моральную легитимность, а ведущими стратегиями становятся стратегии рационализации (целевая субстратегия) и апелляции к авторитету (субстратегии апелляции к авторитету традиции и к авторитету большинства). Важно, что первая стратегия используется для легитимации однополых браков, а вторая – для их делегитимации, т. е. в одном и том же тексте разнонаправленные стратегии сосуществуют.

В тексте «Экс-священник Артем Вечелковский: Я гей, но Бога не интересует, с кем я сплю» за авторством Артура Соломонова (2013) налицо уже признаки **стадии продвижения** объекта легитимации. Однако это продвижение осуществляется за счет компрометации одного из основных противников однополых браков – Церкви. В фокусе внимания оказывается личность бывшего православного священника, преподавателя духовной семинарии, который рассказывает о том, как ему, стороннику однополых браков, жилось в рамках данного социального института, традиционно пользующегося большим уважением среди граждан России. Формируя моральную легитимность однополых браков, автор статьи использует **стратегию моральной оценки не самого объекта легитимации, а института, противящегося ей, и эта оценка – отрицательная**. Например, на вопрос о притеснениях сторонников однополых браков в церковном сообществе герой репортажа отвечает:

Я вас умоляю, какие притеснения! Пидору в церкви свобода и простор! Это такое оруэлловское двоемыслие. Рядовое отношение церкви к геем гораздо терпимее, чем это декларируется. В семинарии про меня знали все.

В данном пассаже находим две фигуры антитезиса: одну эксплицитную – *притеснения / свобода и простор*, и одну имплицитную, поскольку второй из двух противопоставляемых элементов не назван прямо, но подразумевается благодаря семе «официально» в семантике глагольной формы *декларируется*: *рядовое / ‘официальное’*. Подобные антитезы служат реализации идеи о двуличности Церкви (в тексте – *двоемыслие*): в ней говорят одно, а действуют совершенно по-другому. Эта идея находит свою реализацию и в следующем рассуждении:

Система анонимных доносов в нашей среде – мейнстрим: не написал доноса, так, может быть, ты и не настоящий православный. В общем, мне архиерей запретил на эту тему говорить: думай, что хочешь, но просто не говори об этом студентам.

Контрфактивная пресуппозиция «не написал доноса – не настоящий православный» косвенно формирует вывод о том, что всякий настоящий православный должен писать доносы, что, конечно, противоречит основным принципам веры. Якобы двуличность Церкви подчеркивается соположением форм *думай / не говори*.

Подобная **субстратегия абстрагирования** (оценка конкретного объекта вытекает из его включения в некую глобальную оценочную категорию, в данном случае – категорию лжи) – Церкви нельзя верить, поскольку она лжива – реализуется в том числе за счет коммуникативной тактики намека:

Россия отстает в церковном вопросе, но нельзя остановить развитие общества. В Норвегии однополым парам на днях разрешили венчаться. Так там очереди выстроились. Церковь столько денег получает. Наши, как сообразят, тоже подключатся, просто они еще не поняли всей выгоды.

В процитированном пассаже интервьюируемый указывает на то, что Церковь еще не поняла своей выгоды, поэтому и запрещает однополые браки. Отсюда формируется импликация о том, что ведущим мотивом деятельности данного института является материальная коммерческая прибыль проекта, а не духовность или ценностные ориентиры.

В тексте формулируется целая серия дискредитирующих пропозиций: Церковь невежественна (героя интервью осудили в лоне Церкви за приверженность идеям Дарвина об эволюции: *чтобы признавать теорию эволюции, не надо быть прогрессивным, достаточно быть здравомыслящим; люди от невежества заменяют отсутствие знаний всякими ритуалами*), фанатична (*сфера ритуального постоянно расширяется. Сначала были короткие посты, сейчас большая часть года – посты; упоротый фанатизм*), авторитарна (*началось закручивание гаек и выстраивание церковной вертикали власти, когда есть только одно мнение – патриаршее, а все остальные либо должны переменить свое мнение, либо заткнуться*).

На фоне стратегии отрицательной моральной оценки основного противника легитимации однополых браков разворачивается действие **мифопоэтической стратегии** легитимации самих браков. В центре интервью – повествование с ярко выраженной сюжетной линией. Мальчик, который с детства осознает свою инаковость (*помню, отец везет меня на санках в детский сад, навстречу идет мужик, и он мне нравится*), учится на филолога (профессиональный выбор, характерный для «бессребреников»), искренне верящий в Бога (*верующим я стал в одно мгновение*), любящий свою профессию (*преподавать мне нравилось безумно, я был счастливым человеком, в том смысле, что занимался делом, которое люблю и знаю*), но разуверился, потерял Веру (*Когда у тебя есть иллюзии, и они рушатся, трудно взять и сразу уйти. Столько лет на это было положено*), стал жертвой доноса, а потом и травли, познал судьбу изгнанника (*Первые дни на улице ночевали. Потом друзья друзей нас приютили*), начав скромную жизнь пекаря в чужой стране (*Мы делаем все по очереди: и готовим, и за кассой стоим, и убираем. Зарплата скромная, но на жизнь хватает*). В такой истории в полной мере реализуется архетип романтического изгнанника, честного, мучимого душевными сомнениями, гонимого, скромного и нетребовательного к материальному аспекту жизни. Это архетип столь популярный как в европейской (вспомним изгнание Эдипа из Фив за нарушение морального закона), так и в отечественной культурной традиции (вспомним «лишнего героя» классической русской литературы), по отношению к которому на протяжении многих поколений школой воспитывалась неизменная социальная эмпатия.

Подводя промежуточный итог, отметим, что проанализированный текст 2013 г. отражает стадию продвижения объекта легитимации, базируется, как и предыдущие тексты, на прагматической легитимности, реализуемой за счет стратегии отрицательной моральной оценки

не самого объекта легитимации, а института, противящегося ей, а также при помощи мифопоэтической стратегии, обращенной к архетипу изгнанника и призванной «романтизировать» образ целевой социальной группы – сторонников однополых любви.

Следующая публикация уже относится к 2014 году. Это материал М. Стацюка «Ира Шумилова и Алена Фурсова: “Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России”» на портале «собака. ru».

В данном материале налицо опора на прагматическую легитимность – представители заинтересованной в объекте легитимации социальной группы (ЛГБТ сообщества) объясняют свои позиции, подчеркивая положительные стороны новой формы совместного проживания.

Свое выражение находят все стратегии легитимации: **стратегии апелляции к авторитету, моральной оценки, рационализации и мифопоэтическая стратегия.**

Так, первая из них реализуется посредством **апелляции к авторитету эксперта**, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации – речь идет о журналистах. Статья открывается пассажем о славе, свалившейся на девушек после заключения брака, хотя формально союз был вполне обычным – одна из девушек находилась в процессе смены пола и потому имела паспорт на имя мужчины: *Девушки только вернулись домой, успев за день дать пять интервью — и это не считая телефонных. Пока они курят, у Алены не унимается телефон: звонят друзья, близкие, говорят, что видели их по телевизору, Алена рассказывает, что впереди еще эфир на Рен ТВ и, по слухам, их ищет Первый канал.* Героини популярны, ими интересуется телевидение, что в свою очередь вызывает положительные эмоции у близких людей. Интересна семантико-синтаксическая позиция номинаций героинь в вышеприведенных предложениях-высказываниях – они преимущественно находятся в объектных позициях: их видели по телевизору, их ищет Первый канал. Таким образом подчеркивается, что они интересны обществу, гражданам страны, а значит – они делают нечто важное и интересное.

Средства реализации **стратегии моральной оценки** более разнообразны. «Красной нитью» через весь дискурс проходит ключевая пропозиция «однополые браки – это нормально».

Например, при помощи **субстратегии аналогии** всячески подчеркивается сходство такого брака с «традиционным»:

1) сходство моделей поведения традиционных и нетрадиционных пар

в «конфетно-букетный период» (*Аленка мне сразу понравилась, мы начали больше времени проводить вместе, встречаться, а летом уже завязались отношения... Поверьте, в наших отношениях нет ничего необычного – все те же фазы, что и у других.... Нрависься – влюбляешься – в загс (смеется))*;

во время подготовки к свадьбе (*После подачи заявления мы никак не могли найти платье для Иры, шутили, что придется его покупать утром перед церемонией. Так и случилось – покупали его в день свадьбы... У меня за день до праздника началась предсвадебная депрессия – не выдерживали нервы. И, надо отдать Аленке должное, она собралась и успокаивала меня очень сильно, у нее железные нервы*);

в течение совместного ведения хозяйства (*Какие у вашей семьи планы на будущее? Алена: Ну, точно не ипотеку брать (смеется)!*);

2) сходство свадебных ритуалов (*Кольца выбирали вместе – купили одинаковые. У каждой есть на внутренней стороне гравировка – наши имена и дата свадьбы*);

3) аналогичность типичного коммуникативного поведения, словно иллюстрация к пословице «милые бранятся – только тешатся» (*А когда вы подали документы? Алена: это было в начале октября; Ира: Нет, в конце сентября; Алена: Да нет же, в начале октября, точно*).

С помощью имплицатуры о том, что девушки – патриотки своей Родины (*Я и Ира никогда не хотели уехать в другую страну, где легализованы однополые браки. Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России. Так как мы на данный момент с Ирой можем сделать это легально — почему бы и нет?*), осуществляется оценочная субстратегия стратегии моральной

оценки явления-объекта легитимации как вполне соответствующего норме – любящие Россию граждане хотят жить в своей стране, легально оформив свои отношения.

Стратегия рационализации представлена достаточно скупой небольшим пассажем, в котором в контексте юридической трактовки границы брака расширяются и размываются: *Для чего нужен институт брака? Он закрепляет родственные связи на официальном уровне между людьми, которые изначально не были родственниками* (хотя в официальной трактовке формулировка имеет следующий вид «Брак – это юридически оформленный, свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий взаимные права и обязанности»). Таким образом, используя **субстратегию определения**, автор статьи устами своих героев обобщает объект легитимации до «трансформация не-родственников в родственников».

Мифопоэтическая стратегия уходит своими корнями в архетип трикстера и так называемый «плутовской роман». Трикстер – «тень» культурного героя, его двойник и антипод – нарушает установленные правила, претерпевая физические и духовные трансформации и вводя окружающих в заблуждение. Персонаж склонен к злым шуткам, которые становятся причиной страданий самого трикстера и которые, в свою очередь, ведут к «его постепенному превращению в спасителя и одновременно очеловечиванию...» [Юнг 1999: 267]. В тексте статьи в образе такого трикстера предстает одна из героинь, первоначально бывшая мужчиной и имеющая паспорт на мужские имя и фамилию, но проходящая на момент интервью процедуру смены пола. Вот как описываются его / ее действия:

Расскажите поэтично, как проходила подача документов?

Алена: Мы очень волновались перед этим, потому что предприняли меры (смеется). Ира попыталась переодеться в мужскую одежду, сняла макияж и маникюр. Она старалась говорить низким голосом, но нам не очень поверили. Все-таки Ира уже не может притворяться парнем.

Сотрудники сперва смутились и ничего не поняли, попросили нас подождать за дверью, а сами устроили совещание. Затем они еще раз проверили документы и приняли заявление. Пока сотрудница загса оформляла бумаги, она улыбалась, смущалась, а после случился самый комичный момент: она принесла нам свои глубочайшие извинения, потому что “приняла нас за двух девушек”.

Переодевания, притворство, замешательство сотрудников ЗАГСа, затем, по сути дела, их обман – вот основные признаки обсуждаемого архетипа, находящие свое воплощение в тексте публикации.

Таким образом, в данной статье 2014 года мы наблюдаем все ту же стадию продвижения объекта легитимации в активной фазе, поскольку реализуются все базовые дискурсивные стратегии легитимации.

Статья Станислава Белковского «Однополая Россия: Как нам легализовать гей-браки» опубликована в газете «Московский комсомолец» № 26872 от 30 июля 2015 г.

Ведущими стратегиями, используемыми журналистом в данном тексте, становятся **стратегия апелляции к авторитету и стратегия рационализации**, идущие «рука об руку».

Пытаясь объяснить, почему однополые браки необходимо легализовать, С. Белковский отвергает определение гомосексуализма как болезни, настаивая на естественности однополого влечения нехитрым и вполне банальным способом: он обращается в поисках авторитетов к истории и биологии гомосексуализма. Первая уходит своими корнями в Античность, наиболее референтно ценный период Всемирной истории, и связана с прецедентными именами Платона, Сократа, Александра Македонского и Юлия Цезаря (*И суперполководцами, учителями больших войн были джентльмены с весьма разнообразными сексуальными предпочтениями — от Александра Македонского до Юлия Цезаря. Сюда же — бесчисленные поэты, художники, музыканты и пр. всех возможных и невозможных полов*). Естественно-научный фундамент

аргументации журналиста воздвигается при помощи имени З.Фрейда и абстрактных указаний на многочисленные видеофиксации однополых отношений в животном мире.

Следующий аргумент сформирован на основе такой **субстратегии стратегии рационализации**, как **абстрагирование**: журналист указывает на то, что если бы легализация все-таки произошла, то это позволило бы «автоматически» снять проблему «конфликтной оппозиции сексуальных “большинства” и “меньшинства” как таковых», а также вопрос о так называемом «гей-лобби» во многих областях социальной жизни. Следуя той же тропой рационализации, автор текста находит еще один рациональный аргумент: легализовав гей-браки, Россия пробьет брешь в стене международной изоляции (*Мне думается, что в поисках выхода из международной изоляции легализация гей-браков — мощный геополитический маневр. Причем начинать столь важную реформу можно, в экспериментальном порядке, с отдельных регионов страны. Например, Республики Крым. Согласитесь, лозунг “Крым — наш!” на поверхности радужного флага, одного из символов гей-сообщества, резко повысит мировую популярность тезиса об имманентной принадлежности заветного полуострова к России*).

Итак, в данной статье, датированной 2015 годом, отмечаем признаки одновременно двух стадий легитимации — теоретизации и продвижения, базисом для которых является по-прежнему, прагматическая легитимность. Ведущие стратегии — стратегия апелляции к авторитету и стратегия рационализации.

Следующая статья уже относится к 2017 году — Анна Алексеева «Мы с флагом не ходим, мы просто живем». Как в России вступают в однополые браки» (журнал «Сноб» от 06.04.2017).

Открывается публикация ярким примером реализации **оценочной субстратегии стратегии моральной оценки**: *Пока в Чечне охотятся на геев, пытаются их и отрицают пытки, в 40 странах мира уже разрешены однополые союзы. При помощи антитезы, операторами которой становятся частицы пока и уже, создается импликация о том, что Россия — варварская страна, аутсайдер, который отстает от всего мира в вопросах легализации однополых браков.*

Дальнейший текст — это коллаж из свидетельств отдельных однополых пар, доказывающих моральную легитимность таких союзов «на практике».

Для первого из свидетельств ведущей является **стратегия апелляции к авторитету** через ее различные субстратегии. Первая из них — **апелляция к авторитету большинства**: *Мы встретились на сайте знакомств. Я работал бизнес-тренером в банке, Кирилл — парикмахером-стилистом. Некоторое время жили раздельно, потом сняли квартиру. Будущая хозяйка спросила: “Ребята, вы гей-пара?” Мы замялись, очень покраснели и соврали, что мы просто друзья. На следующий день она нам позвонила: “Ребята, я не дура, могли сразу сказать. Я к вам и так прониклась, заезжайте!”.*

Так уж сложилось, что квартирная хозяйка благодаря отечественной литературе превратилась в своего рода воплощение среднестатистического обывателя: Прасковья Павловна Зарницына в «Преступлении и наказании», Агафья Пшеницына в романе «Обломов», мадам Безлюдная у И. Ильфа и Е. Петрова («Светлая личность») и др. В вышеприведенном фрагменте устами «проникшейся» квартирной хозяйки как бы глаголет среднестатистический отечественный обыватель, выражая мнение большинства представителей современного общества.

Опора на авторитет португальского общества, где сильны католические традиции, продолжает линию моральной легитимации браков: *Накануне очередной поездки в Европу мы совершенно случайно узнали, что в Португалии можно жениться нерезидентам — и это при том, что там достаточно долго царила гомофобная католическая диктатура.*

Наконец, вокруг опорного концепта СЕМЬЯ выстраивается **субстратегия апелляции к авторитету традиции**: в нашем обществе семья всегда занимает особое, центральное место в системе ценностей, а однополая семья разделяет все эти ценности и ничем не отличается от любой другой семьи: *Брак — это уже не просто “встречалки” или проживание вместе под одной крышей, это ответственность за партнера. Да, в России он юридически недействителен, но для*

нас двоих семья — это очень важно. В бытовом плане наша жизнь ничем не отличается от жизни обычной семейной пары. Такие же заботы, трудности, без акцента на ориентацию. Сейчас Кирилл занимается продвижением нашего сайта, периодически общается с клиентами, я организую саму церемонию. Чаще всего к нам обращаются пары, которые давно вместе, бывает, по десять лет. В контексте нетрадиционной семьи актуализируются такие ключевые ее концептуальные признаки, как ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (это ответственность за партнера), СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ (для нас двоих это очень важно), БЫТ (заботы, трудности, обычная жизнь), ВЕРНОСТЬ (пары, которые вместе уже по десять лет).

Для следующего свидетельства (Софья и Александра) доминирующей стратегией легитимации оказывается **стратегия моральной оценки, субстратегия абстрагирования**: интервьюируемые подчеркивают, что их желание официально вступить в однополый брак — это борьба за права человека в России, где все плохо не только с правами, но и с образованием, и с медициной (и с последним рядовому россиянину трудно не согласиться). Иначе говоря, однополые браки получают моральное обоснование за счет апелляции к ценностям более абстрактным и более высокого уровня — права человека (право на образование, право на качественное лечение, право на свободу слова, наконец, право на официальный брак с любимым человеком): *Нам обоим не нравится, что происходит сейчас в стране с медициной и образованием, и мы не думаем, что Крым наш. Мы выражали свою позицию в соцсетях и в какой-то момент стали переписываться — так завязался роман, мы начали строить отношения. Мы не афишируем свои отношения, но если хотим взяться за руки или поцеловать, мы это делаем. Моя жена считает, что открыто говорить о своей ориентации и проявлять гражданскую позицию в России сейчас опасно. Я же думаю, что если мы живем в системе и этой системе поддаемся, то она нас поглощает.*

Организующей стратегией для третьего свидетельства (Юлия и Олеся) стала **мифопоэтическая стратегия, субстратегия поучительного рассказа**, где герой использует все преимущества объекта легитимации и жизнь его становится лучше, чем была: жили-были две девушки, потом между ними пробежала «искра», они сначала поехали вместе в отпуск, потом стали жить вместе, а затем и поженились в далекой, но прекрасной Дании, где все ими восхищались, была хорошая погода (*светило солнышко*), невеста — в красивом (как у Золушки) платье, где все было, как в сказке (*и тогда я подумала, что, наверное, в мире все-таки существует что-то сказочное*). А после бракосочетания стало еще лучше: *Я намного терпимее с ней стала. С ней все в моей жизни стало как-то по-другому, а после свадьбы появилось еще больше нежности*.

В данном тексте наблюдаем признаки стадии продвижения с опорой на моральную легитимность, осуществляемую с помощью стратегий апелляции к авторитету (традиции и большинства), стратегии моральной оценки (субстратегия абстрагирования).

Наконец, последний из анализируемых текстов озаглавлен при помощи риторического вопроса, на который дается не менее риторический ответ: «Чем вам однополые браки не угодили? Я лично не против».

В русской речевой практике конструкция «чем X-у не угодил (-ли) Y(-и)» является прагматически маркированной и выражает оценку претензий или других негативных реакций X по отношению к Y как необоснованных. Сравните, пример из НКРЯ:

И никто не может четко определить, чего же он хочет. Чуть ли не все наши патриоты воспроизводят, пусть в более мягкой форме, “синдром Солженицына”. То он всеми средствами, безавестно уничтожал советский строй — а теперь нос воротит от нового порядка. Мне даже порой становилось обидно за Ельцина и Чубайса — ну чем ему не угодили? Ведь уничтожили СССР — разве не об этом мечтали Александр Исаевич и его соратники [С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)].

При этом на уровне локальной семантики реализуется импликатура «Х – нормальный, приемлемый». Таким образом, уже в самом заголовке задается общая пресуппозиция дискурса: однополые браки – это нормально, хорошо, а претензии некоторых представителей общества не обоснованы.

Согласно классификации стратегий легитимации Т. ван Левена, в данном случае налицо **оценочная субстратегия стратегии моральной оценки**: объект легитимации имплицитно оценивается как соответствующий нормам сообщества.

В самом же тексте поста блогер опирается преимущественно на **стратегию рационализации**, точкой отсчета для развертывания которой становится один из методов манипулирования в публичных сферах – метод «семантических столкновений» [Борецкий 1998]: расстановка сообщений, при которой содержательно взаимодействуют между собой предыдущее и последующее (либо дополняя и усиливая друг друга, либо отрицая, даже сводя на нет только что сообщенный факт). Так, опираясь на **субстратегию аналогии стратегии моральной оценки**, в первых строках поста блогер использует такой провокационный прием ухода от правовых рисков, как псевдоавтокоррекция *чей Крым*:

Если вы хотите поставить публичного человека в неудобное положение, спросите его, чей Крым как он относится к однополым бракам. О, вот тут-то он и поплывет, ведь тема в нашем обществе очень токсичная. А я к однополым бракам отношусь совершенно нейтрально.

Подобная аналогия, описывая существующее положение дел, задает когнитивный контекст для категоризации феномена однополых браков: он рассматривается не столько как социальная сущность, сколько как явление политической жизни в ряду таких громких политических решений, как присоединение Крыма к России. С политическим «ореолом» данной проблемы (ассоциации с «режимом Путина», с санкциями Запада, манифестациями политической оппозиции) Варламов связывает болезненность самого обсуждения ее в российском обществе, ср. метафору *токсичная тема* (ТЕМА – ЯД). Смещая фокус внимания с самого объекта легитимации на «неправильное» восприятие его обществом, автор предлагает перевести обсуждение проблемы в рациональное русло – без эмоций и оценок, иными словами, нейтрально и рационально.

В последующих частях текста ключевыми инструментами конструирования дискурса легитимации становятся две субстратегии **рациональной стратегии**: **субстратегия определения и субстратегия разъяснения**. Блогер предпринимает попытку концептуализировать объект легитимации в терминах оправданных и необходимых действий людей, выбрав в качестве сферы-мишени для трансфера всего того, что обыватели знают об однополых браках (можно назвать это фреймом), претендующую на абсолютную рациональность и нейтральность сферу права и юриспруденции.

Подобный «трансфер» осуществляется на всех уровнях построения дискурса: 1) структурной организации; 2) семантических структур; 3) стилистических средств.

Так, во всех последующих абзацах публицистический дискурс активно мимикрирует под дискурс права, заимствуя его клише, композиционную организацию, лексические составляющие.

Например, в обсуждаемой части текста важную роль выполняют логические коннекторы, синтаксические структуры и риторические фигуры, выполняющие функцию логической организации дискурса и призванные проиллюстрировать наглядно простоту решения проблемы, связанной с объектом легитимации, при условии перемещения ее в правовое поле: *с одной стороны...с другой стороны*; это Х, который (*Это просто религиозные обряды, которые...; Это союз двух людей, которые...*); Х – это Y (*Брак — это чисто юридическая формальность*); хиазм (*И не дело светского государства лезть в дела церкви, как и не дело церкви лезть в дела светского государства*).

В противовес экспрессивной лексике, призванной отразить актуальное состояние «брожения умов» вокруг проблемы (разговорное *тут-то он и поплывет* в значении ‘потерять уверенность, оконфузиться’, метафорическое употребление *токсичная тема*), стремясь разъяснить и

определить однополые браки в рамках нейтрального контекста дискурса права, автор активно использует его терминологию и устойчивые клише: *институт брака, понятие брака, регулироваться государством, религиозное учреждение, не иметь никакой силы, право, пункты договора, стороны, условия совместного ведения хозяйства, узаконить отношения.*

Посредством тавтологии, понимаемой как стилистический мотивированный повтор однокоренных слов, находящихся в пределах предложения в отношениях непосредственного или опосредованного подчинения [Культура русской речи 2011: 703], акцентируется концепт ПРОСТОТА, становящийся опорным для всей аргументации Варламова – «все станет простым, если мы будем рассматривать однополые браки как юридический прецедент»:

По мне так брак должен превратиться в простой договор, в котором две стороны просто будут оговаривать условия совместного ведения хозяйства.

Используя **целевую субстратегию стратегии рационализации**, автор подводит читателей к мысли о том, что легализация однополых браков – это шаг на пути к реализации главной цели – цели построения правового государства, призванного защищать интересы «родных людей»:

А вот то, что касается бракосочетания со стороны государства, — вопрос отдельный. Что такое брак? Это союз двух людей, который дает им определенные права. Например, право посещать в больнице тяжелобольного родственника, право на наследство или право не свидетельствовать против своего партнера в суде. По мне так брак должен превратиться в простой договор, в котором две стороны просто будут оговаривать условия совместного ведения хозяйства. При этом с точки зрения общества совершенно все равно, кто этот договор между собой заключит. Мужчина с женщиной, или две женщины, или мужчина с тремя женщинами. Если люди хотят жить вместе под одной крышей, если люди хотят вместе вести хозяйство, если они стали друг другу родными, то почему мы должны им отказывать в элементарных правах? Я даже не против, если союз о сожительстве будут заключать друзья. Много ведь случаев, когда два парня или две девушки какой-то период времени живут под одной крышей, становясь друг для друга почти родными людьми, при этом не являясь любовниками.

В процитированном пассаже налицо прием генерализации, расширения, а затем и размывания границ категории субъектов брака – супругов. Понаблюдаем за выстроенной в тексте кореференциальной цепочкой: сначала супруги называются предельно обобщенными номинациями *люди – родственники*, затем номинации становятся все более формальными *партнеры – стороны*, после максимального расширения границ и формализации категории предлагаются различные варианты членства в ней, которые уже не кажутся абсурдными – *мужчина с женщиной, две женщины, мужчина с тремя женщинами, друзья*.

В итоге ключевые концепты аргументирующего дискурса блогера в пользу легитимации однополых браков в контексте правового государства складываются в метонимическую последовательность: ПРОСТОТА – НЕЙТРАЛЬНОСТЬ – ФОРМАЛЬНОСТЬ – РАВНОДУШИЕ; апофеозом цепочки выступает ключевая фраза в сильной позиции текста:

А что касается штампа в паспорте, то мне лично все равно, кто и с кем договор подписал и кто кого в своей спальне трахает. А вам разве нет?

Вывод: основной стратегией выступает стратегия рационализации, а вспомогательной – стратегия моральной оценки, налицо – возврат к стадии теоретизации, с которой начиналась легитимация однополых браков в 2010 г., опирающаяся на прагматическую легитимность.

Заключение

Представив результаты анализа в единой таблице (табл. 2), мы можем проследить определенные тенденции в смене видов легитимности, стадий и стратегий легитимации на протяжении временного отрезка с 2010 по 2017 гг. Без сомнения, необходимо принимать во внимание относительность полученных результатов в виду небольшой по объему выборки текстов. Однако думается, что данные наблюдения имеют ценность, поскольку позволяют выявить

диагносцирующие векторы, направления в развертывании дискурса легитимации однополых браков в России.

Итак, в 2010 году обсуждение проблематики однополых браков обнаруживает признаки первой стадии легитимации – стадии теоретизации, в контексте которой явление только становится предметом открытых дискуссий в обществе, хотя уже звучат робкие попытки представить гей-браки как выход из неких кризисных ситуаций глобального общества, например из кризиса перенаселения. На данном этапе доминирует опора на прагматическую легитимность, в рамках которой заинтересованная в объекте легитимации пока маргинальная часть общества предпринимает попытки привлечь внимание к своей позиции остальной части социума. Последняя же пока не решается открыто поддержать ЛГБТ сообщество, обращаясь поочередно то к дискурсивным стратегиям легитимации, то – делегитимации. Что касается Окна Овертона, то на обсуждаемом временном отрезке, очевидно, происходит его движение на шкале социальных оценок от «Немыслимо» к «Радикально».

В 2013–2014 гг. наблюдаем уже следующую стадию легитимации – стадию продвижения: в публикуемых материалах налицо стремление к созданию позитивного отношения в обществе к однополым бракам за счет формирования основ моральной легитимности при помощи разнообразных дискурсивных стратегий легитимации: моральной оценки, апелляции к авторитету, рационализации, мифопоэтической стратегии. Заметно смещение фокуса общественного внимания на ценностной шкале, согласно Окну Овертона, от отметки «Радикально» к «Приемлемо».

Однако уже на следующем временном отрезке 2015–2017 гг. заметно серьезное «торможение» движения Окна: оно как бы застывает между «Радикально» к «Приемлемо» и даже слегка «откатывается» назад к отметке «Радикально». Авторы публикаций вновь возвращаются к вопросу о «полезности» однополых браков для решения многочисленных социальных и даже политических проблем, вновь трактуют и разъясняют данное явление в терминах как можно более понятных и тривиальных для восприятия среднестатистического гражданина. Все это свидетельствует о возвращении обсуждения легитимности таких союзов к стадии теоретизации, которая, однако, в некоторых контекстах соседствует со стадией продвижения, о чем свидетельствуют примеры применения дискурсивных стратегий моральной оценки, апелляции к авторитету, мифопоэтической стратегии наряду со стратегией рационализации (последняя в большей степени маркирует стадию теоретизации).

Таблица 2. Динамика смены типов легитимности, стадий и стратегий легитимации в обсуждении проблематики однополых браков в российских СМИ в период с 2010 по 2017 гг.

№	Год	Тип легитимности	Наличие делегитимации	Стадия легитимации	Стратегии, субстратегии
1	2010	Прагматическая Моральная легитимность / делегитимность	+	Теоретизации	Моральной оценки (субстратегия абстрагирования)
					Рационализации (целевая субстратегия)
					Апелляции к авторитету в целях делегитимации
2	2013	Моральная	–	Продвижения	Отрицательной моральной оценки противников легитимации (оценочная субстратегия, субстратегия абстрагирования)
					Мифопоэтическая (рассказ об изгнаннике)

3	2014	Прагматическая Моральная	–	Продвижения	Апелляции к авторитету (эксперта)
					Моральной оценки (оценочная субстратегия, субстратегия аналогии)
					Рационализации (субстратегия определения)
					Мифопоэтическая (архетип трикстера)
4	2015	Прагматическая	–	Теоретизации	Апелляции к авторитету (экспертов)
					Рационализации (субстратегия абстрагирования)
5	2017	Прагматическая Моральная	–	Продвижения	Апелляции к авторитету (большинства; «размытой» социальной структуры, института; традиции)
					Моральной оценки (субстратегии абстрагирования, аналогии, оценочная субстратегия)
					Мифопоэтическая стратегия («поучительный рассказ»)
				Теоретизации	Рационализации (целевая субстратегия, субстратегии определения и разъяснения)

Обращает на себя внимание важная роль в продвижении обсуждаемого объекта легитимации мифопоэтической дискурсивной стратегии: это и использование аллюзий на плутовской роман и его архетипический протагонист трикстер, и опора на архетип романтического изгнанника, а также включение в текст жанра «поучительной истории», где герой, воспользовавшись объектом легитимации, получает долгожданное счастье. И здесь нельзя не увидеть характерную для мифологического мышления «посредническую функцию», о которой пишет Е.М. Мелетинский: «Мифологическая логика широко оперирует бинарными (двоичными) оппозициями чувственных качеств, преодолевая, таким образом, «непрерывность» восприятия окружающего мира путем выделения дискретных «кадров» с противоположными знаками. Эти контрасты все более семантизируются и идеологизируются, становясь различными способами выражения фундаментальных антиномий типа жизнь / смерть и т. п. Преодоление этих антиномий посредством прогрессирующего посредничества, т. е. последовательного нахождения мифологических медиаторов (героев и объектов), символически сочетающих признаки полюсов, является ярким проявлением логики бриколажа» [Мелетинский 2012: 168]. Эту технику бриколажа мы и наблюдаем, когда изгнанники, трикстеры и герои поучительных рассказов преодолевают пропасть между полюсами оппозиции «неприемлемо» / «стандартно» в отношении объекта легитимации.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в данной публикации мы ставили своей задачей беспристрастно и как можно более объективно исследовать динамику социального процесса легитимации столь противоречивого и дискуссионного объекта, как однополые браки, уточняя роль в этом процессе дискурсивных средств различного уровня и характера.

Литература

- Борецкий Р.А. В Бермудском треугольнике ТВ. М.: Икар, 1998. 204 с.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 320 с.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н.Ширяева и др. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 840 с.
- Мелетинский Е. Поэтика мифа. М.: Наука, 2012. 336 с.
- Юнг К.Г. О психологии образа Трикстера // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 265–286.
- Overton Window. Mackinac Center for Public Policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 13.03.2018).
- Carter J. How to destroy a culture in five easy steps [Электронный ресурс]. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps> (дата обращения: 13.03.2018)
- Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. In R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, & K. Sahlin (Eds.) [Электронный ресурс] //Sage handbook of organizational institutionalism. London: Sage, 2008. p. 49–77.
- Fairclough N. Analysing discourse textual analysis for social research. Routledge: London, 2003. 270 p.
- Francesconi R.A. James Hunt, the Wilmington10, and institutional legitimacy // Q.J. Speech. 1982. Vol. 68. p. 47–59. DOI <http://dx.doi.org/10.1080/00335638209383591>.
- Greenwood R., Suddaby R., Hinings C.R. Theorizing change: The role of professional associations in the transformation of institutionalized fields // Academy of Management Journal. 2002. Vol. 45(1). p. 58–80.
- Lakoff G. “Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts” // Journal of Philosophical Logic. 1973. 2: 4. p. 458–508.
- Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs // Crit. Discourse Stud. 2013. Vol.10(2), p. 205–222. <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2013.764614>.
- Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Revue. 1995. Vol. 20. № 3. p. 571–610. DOI 10.5465/AMR.1995.9508080331.
- Tolbert P.S., Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies, SAGE, London, 1996. p. 175–190.
- Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. p. 985–993.
- Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 192 p.

References

- Boretskiy R.A. V Bermudskom treugol'nike TV [In Bermuda Bermuda Triangle of TV]. Moscow, Ikar Publ., 1998. 204 p.
- Kostomarov V.G. Yazykovoy vkus epokhi [Linguistic taste of epoch]. Moscow, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
- Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Culture of Russian Speech: Hand book] / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N.Shiryayeva i dr. 3-e izd., ster. Moscow, Flinta Publ., 2011. 840 p.
- Meletinskiy E. Poetika mifa [Poetry of myth]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 336 p.
- Yung K.G. O psikhologii obraza Trikstera [Psychological aspect of Trickster image]. *Trikster: issledovanie mifov severoamerikanskikh indeytsev s komment. K.G. Yunga i K.K. Keren'i* [Trickster: investigation of myths of north american Indians with comments. K.G. Yung and K.K. Keren'i]

research of American Indians's myths, commented by K.G.Young and K. Kerényi] SPb., Evraziya Publ., 1999, p. 265–286.

Overton Window. Mackinac Center for Public Policy. Available at: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (accessed 13.03.2018).

Carter J. How to destroy a culture in five easy steps. Available at: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps> (accessed 13.03.2018).

Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. In R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, & K. Sahlin (Eds.). *Sage handbook of organizational institutionalism*, London, Sage, 2008, p. 49–77.

Fairclough N. *Analysing discourse textual analysis for social research*. Routledge, London Publ., 2003. 270 p.

Francesconi R.A. James Hunt, the Wilmington10, and institutional legitimacy. *Q.J.Speech*, 1982, vol. 68, p. 47–59. DOI <http://dx.doi.org/10.1080/00335638209383591>.

Greenwood R., Suddaby R., Hinings C.R. Theorizing change: The role of professional associations in the transformation of institutionalized fields. *Academy of Management Journal*, 2002, vol. 45(1), p. 58–80.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, vol. 2, no 4, p. 458–508.

Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs. *Crit. Discourse Stud.*, 2013, vol. 10 (2), p. 205–222. DOI <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2013.764614>.

Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Revue*, 1995, vol. 20, no 3, p. 571–610. DOI 10.5465/AMR.1995.9508080331.

Tolbert P.S., Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory. *Handbook of Organization Studies*, SAGE, London, 1996, p. 175–190.

Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*, 2008, vol. 33, p. 985–993.

Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008. 192 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики.

Сибирский федеральный университет.

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный 82а,

E-mail: nastiakol@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Full Professor, Head of the department of romance languages and applied linguistics.

Siberian Federal University.

82a Svobodny street, Krasnoyarsk 660041 Russia,

E-mail: nastiakol@mail.ru